

УДК 81'42

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КАТЕГОРИЯ ВРАЖДЕБНОСТИ HOSTILITY AS COMMUNICATIVE SPEECH CATEGORY

Е.Н. Мехонина
E.N. Mekhonina

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990,
Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, eugene.meh@gmail.com*

Perm State National Research University, 614990, Russia, Perm, Bukireva st., 15,

E-mail: eugene.meh@gmail.com

Ключевые слова: коммуникативно-речевая категория, враждебность, лингвема, речема, текстома, комментарий, политико-идеологический дискурс.

Key words: communicative speech category, hostility, language unit, speech unit, textual unit, comment, political ideological discourse.

Аннотация: В статье эксплицируется понятие коммуникативно-речевой категории как потенциала текстовых, речевых и языковых средств воплощения социально значимого типа взаимодействия и предлагается методика ее описания в аспекте типологических признаков текста. Показано, что тип взаимодействия определяет относительно устойчивый набор разнохарактерных лингвистических средств, используемых при создании текстов и конституирующих в конечном счете речевой жанр или ряд речевых жанров. Предлагаемая методика исследования заключается в характеристике изучаемого типа взаимодействия и последующем структурировании разноплановых единиц – лингвем, речем и текстом, выражающих интеракцию.

Summary: The development of the linguistic categories conception from the second half of the 20th century was resulted in explanation of communicative categories that reflect different social speech communication principles.

We suggest considering the communicative speech category as complex of textual, speech and language units providing verbal realization of a specific social interaction. The emphasis is placed on the fact that the type of interaction determines a relatively stable set of linguistic units composing texts and subsequently constituting speech genre or series of speech genres. This approach is based on the ideas of M.M. Bakhtin about methodologically proved order of language research that claims the transition from the speech interaction to the text type (genre) and then to linguistic units.

According to M.M. Bakhtin, the specific of the interaction verbal realization is determined by informativity, tonality and dialogueness. Hence, the method of description of the category is to find out verbalizing these aspects of text production textual, speech and language units and to structure them by their semantics and frequentness.

The analysis results show that hostility is expressed in the Runet political segment under the influence of mass consciousness stereotypes; hence, all topics are ideologically interpreted. The hostile tonality is expressed primarily by disparaging, contemptuous, disapproving, and abusive words, sometimes by insulting and extremist collocations. Form of dialogueness in users comments are determined by relation to "others" as to opponents or even enemies.

Введение

Цель нашего исследования – изучение враждебности в аспекте проблематики коммуникативно-речевых категорий, под которыми мы понимаем потенциал текстовых, речевых и языковых средств воплощения социально значимого взаимодействия.

Теоретической основой нашего подхода к коммуникативно-речевой категории выступают представления М.М. Бахтина о методологически обоснованном порядке изучения языка. Этот порядок ученый описывал так: «1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи с взаимодействием, элементами которого они являются, т. е. определяемые речевым взаимодействием жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве; 3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [Бахтин, 1993, с. 105].

Социально-речевое взаимодействие рассматривается М.М. Бахтиным как экстралингвистическая основа жанрообразования: оно определяет формы высказываний – коммуникативных единиц, границы которых заданы сменой субъектов речи вследствие относительной завершенности авторского замысла [Бахтин, 1979, с. 237–238]. Сами же жанры в соответствии с генологической традицией понимаются как композиционные, тематические и

стилистические типы высказываний. Стилистический аспект изучения жанра предполагает выявление закономерностей выбора и использования собственно языковых единиц.

Особенность нашего подхода заключается в том, что мы рассматриваем роль социального речевого взаимодействия не столько в организации определенного композиционно-тематического и стилистического типа текста, сколько в определении набора разнохарактерных текстовых, речевых и языковых средств, используемых при создании этих текстов и конституирующих в конечном счете речевой жанр или ряд речевых жанров.

Генезис проблематики коммуникативных категорий

Эксплицируемое в настоящей работе понятие коммуникативной категории опирается на грамматическую и стилистическую традиции изучения функционирования языка, поэтому мы кратко остановимся на базовых идеях концепций функционально-семантических (в трактовке А.В. Бондарко), семантико-стилистических [Кожина, 1968, 1983] и текстовых категорий [Матвеева, 1990, 2010].

По справедливому замечанию М.Н. Кожиной, сложность языка как объекта исследования вызвала появление в 1960–80-е гг. новых аспектов его изучения (функционального, коммуникативного) и формирование разных подходов к трактовке лингвистических понятий и категорий [Кожина, 1983, с. 15–16]. С этого времени начинает интенсивно развиваться функциональная грамматика, представляющая функциональный подход к изучению и описанию языковой системы, который «интегрирует разноуровневые языковые средства <...> на базе общности их функций» [Теория, 1987, с. 3].

В работах А.В. Бондарко эксплицировано понятие функционально-семантической категории – системы «разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций» [Бондарко, 1971, с. 8]. Структуру категории составляют ядро и периферия. Ядром являются средства, как правило, грамматические, специализированные для выражения определенного значения и характеризующиеся регулярностью употребления. В связи с этим выделение функционально-семантических категорий происходит на основе морфологических категорий, образующих ядро поля, и предполагает описание средств иных языковых уровней со сходной семантикой, как ядерных, так и периферийных.

Концепция функционально-семантических категорий стимулировала развитие проблематики функциональной стилистики. В этой науке уже с конца 1960-х гг. основным объектом изучения является не языковая система, а ее функционирование в процессах коммуникации, т.е. речь. Под функцией здесь понимается «назначение языковых единиц в составе речевой организации для наиболее целесообразной и эффективной реализации коммуникативного задания в конкретной сфере общения» [Кожина, 1983, с. 21–22]. В фокусе внимания оказывается функционирование единиц языка в реальной речевой действительности.

В развитие концепции стилистических черт разрабатывается понятие функциональной семантико-стилистической категории (ФССК). Под ней понимается «система разноуровневых языковых средств, (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т.е. выполняющих в тексте какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» [Кожина, 1998, с. 10–11].

Нужно подчеркнуть, что, в то время как в функциональной грамматике взаимосвязь языковых единиц основана на общности семантической функции и выражаемого ими значения, в функциональной стилистике эта связь выстроена «на основе выполнения ими конкретного, присущего данной сфере, коммуникативного задания» [Кожина, 1983, с. 22]. Если в концепции А.В. Бондарко текст используется для иллюстрации функционально-языковых закономерностей, то в исследованиях стилистов он становится объектом изучения, а «средой оказывается не ближайшее вербальное окружение языковой единицы, а определенная социальная сфера функционирования языка с учетом ее предназначения в обществе и общими целевыми установками коммуникации в данной его сфере» [Кожина, 1998, с. 12].

Подобно функционально-семантическим категориям, ФССК имеют полевую структуру, однако членение на центр и периферию здесь производится с учетом не собственно семантики языковой единицы (в отношении к категориально-грамматическому значению), а ее целеустановки – направленности на реализацию типичного для данной речевой

разновидности коммуникативного задания. При этом в обоих случаях во внимание принимается частота использования языковых средств.

В 1980-е и особенно 90-е гг. объектом изучения в стилистике становятся не только речевые массивы, но и типы текстов. На базе представлений о ФССК разрабатывается концепция текстовых категорий и их модификации в разных сферах функционирования языка. Под текстовой категорией понимается существенный признак текста. Состав таких признаков остается дискуссионной проблемой современной лингвистики.

Компонентом плана выражения текстовой категории «может выступать языковой знак любого уровня – от фонемы и интонаемы до предложения и сверхфразового единства, – а также различные приемы сочетания и включения языковых единиц в текст» [Матвеева, 1990, с. 16].

Текстовые категории по-разному актуализируются в речевых разновидностях, в связи с чем они разделены Т.М. Матвеевой на линейные, полевые и объемные [Матвеева, 1990, с. 16]. Полевые категории, как и ФССК, имеют ядерно-периферийную структуру. Линейные представляют собой «цепь языковых единиц единой функционально-семантической предназначенности», организованных по принципу последовательности. Объемные категории включают как линейные, так и полевые структуры [Матвеева, 1990, с. 16–18].

Весьма ценным для нас в рассматриваемой концепции текстовых категорий является понимание речевого произведения как «отражения коммуникативного акта» и включение в анализ параметров ситуации общения (субъекта речи, адресата, их психологических характеристик и др.) [Купина, Матвеева, 2013, с. 117].

Таким образом, в соответствии с переориентацией лингвистических исследований с системы языка на его функционирование в речи и на текстовую организацию последней получили развитие представления о лингвистических категориях: теория функциональной грамматики стала стимулом для разработки концепций стилистических категорий, которые со временем были осмыслены как категории текстовые. Насущной стала задача экспликации научных представлений о категориях речевой коммуникации, т.е. социального речевого взаимодействия [Стернин, Шилихина, 2001; Михайлова, 2004; Карзенкова, Салимовский, 2005].

Целостная концепция коммуникативных категорий с позиций когнитивной лингвистики разработана И.А. Стерниным [Стернин, 2004; Стернин, Шилихина, 2001]. Исследователь определяет коммуникативные категории как «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления», а их основное назначение – как «обеспечение, организацию речевого общения индивида в обществе» [Стернин, Шилихина, 2001, с. 34–35]. Выделяются, в частности, определяющие «общие представления человека об общении» категории вежливости, грубости, коммуникативной ответственности, эмоциональности, коммуникативной оценочности, коммуникативного идеала и собственно общения, «категории, отражающие отношение человека к речи – родной язык, иностранный язык, языковой паспорт, культура речи», более частные категории – «диалог, монолог, публичная речь, слушание, говорение и др.» [там же].

Основу каждой категории образует концепт высокого уровня абстракции, выступающий основной строевой единицей коммуникативного сознания. Концепт, объективируемый в общении, организует речевую деятельность личности в социуме. Содержание коммуникативных категорий модифицируется в разных общностях – этнических, возрастных, гендерных и иных группах. Специфическим образом оно преломляется в сознании каждого индивида [там же, с. 37]. Это содержание составляет некоторая не строго упорядоченная «совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил» [там же, с. 35], включающих прескрипцию, т.е. «обусловленное сущностью концепта (категории) общее, максимально обобщенное предписание, определяющее характер коммуникативного поведения», установку – «более конкретное коммуникативное предписание, вытекающую из той или иной общей прескрипции рекомендацию», коммуникативное правило – «конкретную рекомендацию по реализации установки» [Стернин, 2004, с.131]. При этом категория как когнитивный феномен имеет две составляющих – информационную, определяющую суть данного концепта, и прескрипционную, содержащую «предписания, указания, требования, императивы, запреты», которые определяют коммуникативное поведение «обладателя концепта» [там же, с. 131–132].

Подобно категориям, описываемым в функциональной грамматике и стилистике, коммуникативные категории структурируются по полемому принципу, однако этот принцип распространяется на единицы не системы языка, а коммуникативного сознания: ядром становятся наиболее яркие, актуальные для сознания концепты, установки, правила [Стернин, Шилихина, 2001, с. 35].

Нужно отметить, что категории общения многоплановы и поэтому нуждаются в исследовании с разных позиций. Изложенная выше концепция И.А. Стернина разработана в русле проблематики когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Представляется важным при построении теории коммуникативных категорий опереться на положения бахтинской концепции языка и для этого ввести в исследование понятие интеракции, поскольку именно взаимодействие является основой сложно структурированного процесса общения [Общение, 1987].

Представления о первостепенном значении понятия социально-речевого взаимодействия при построении речеведческой теории было развито в работах В.В. Дементьева и К.Ф. Седова. Исследователи рассматривают социальные отношения и интеракции как ключевой фактор, определяющий системность речи [Седов, 2009; Дементьев, 2010].

Речевой жанр, согласно определению указанных авторов, – это «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Дементьев, Седов, 1998, с. 6]. Исследователи сосредоточили свое внимание на прагматических и композиционных особенностях речевых произведений. Акцент делается на организации целого текста (текстотипа) как результате коммуникативно-речевой деятельности. Нам представляется важным описание не только речевого жанра как воплощения интеракции, но всего потенциала языковых, речевых и текстовых средств, используемых при осуществлении определенного социального взаимодействия.

Тем самым мы приходим к пониманию коммуникативно-речевой категории как потенциала текстовых, речевых и языковых средств воплощения социально значимого взаимодействия определенного вида (ср. [Карзенкова, 2011]).

Методика описания коммуникативно-речевой категории

Методика нашего исследования состоит в характеристике изучаемого типа взаимодействия (проявления коммуникантами враждебности) и последующем структурировании разноплановых лингвистических единиц, выражающих данную интеракцию.

Как известно, выбор и использование лингвистических единиц зависит от характера интенции. Согласно М.М. Бахтину, важнейшими задачами текстопорождения являются раскрытие темы, выражение эмоционально-оценочного отношения к сообщаемому и учет фактора адресата: «Выбор языковых средств и речевого жанра определяется прежде всего предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора). Это – первый момент высказывания, определяющий его композиционно-стилистические особенности. Второй момент высказывания, определяющий его композицию и стиль, – экспрессивный момент, то есть субъективное эмоционально-оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» [Бахтин, 1979, с. 263–264]. Третьим моментом, конституирующим высказывание, М.М. Бахтин называет диалогичность [там же, с. 275].

Пользуясь современной терминологией, мы можем сказать, что этому описанию важнейших факторов конституирования текста соответствуют текстовые категории информативности (реализация предметно-смыслового задания), тональности (субъективного эмоционально-оценивающего отношения) и диалогичности.

При рассмотрении коммуникативно-речевых категорий, в том числе категории враждебности, типологический признак диалогичности имеет приоритетное значение: его экспликация является ни чем иным, как раскрытием понятия коммуникативности на основе сложившегося лингвистического знания. Важны для нас и два других признака – информативность, представляющая семантический план текста, и тональность, в которой «находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста, его психологическая позиция по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Матвеева, 2010, с. 492].

Анализ типологических признаков текста осуществляется нами в соответствии с текстоцентрической концепцией речевой системности, разрабатываемой Т.В. Матвеевой [Матвеева, 1990, 2010]. Для обозначения любой языковой, речевой или текстовой единицы, употребляемой в процессе продуцирования и восприятия речевого произведения, автор вводит понятие коммуникемы. Единицы разных уровней системы языка названы лингвемами, воспроизводимые речевые единицы – речемами, а относительно автономные единицы

речевого целого – текстами [Матвеева, 2010, с. 81]. При этом коммуникемы описываются в направлении от простых к сложным: от лингвем к речемам и далее к текстам.

Можно сказать, что лингвемы – это фонетические, грамматические и лексические единицы. Речемы – сочетания лингвем – включают типичные словосочетания (в частности, клише), риторические фигуры и тропы, функционально-смысловые типы речи и др. Текстемы, актуализирующие различные формы построения речевого целого, строятся из лингвем и речем [Купина, Матвеева, 2013].

Каждый из изучаемых нами типологических признаков текста может быть структурирован в виде поля, которое состоит из ядра и периферии. Полевое структурирование коммуникем определяется частотой их использования и семантической специализацией для выражения изучаемого типа взаимодействия.

Актуализация коммуникативно-речевой категории враждебности в Рунете

Кратко продемонстрируем применение охарактеризованной методики для описания коммуникативно-речевой категории враждебности. В качестве материала мы используем тексты комментариев к новостным сообщениям на портале Rambler.ru, видеоматериалам на сайте youtube.com и постам в социальной сети ВКонтакте, освещающим тему выборов в Государственную Думу РФ 2011 г., и законопроектов, касающихся выборной системы.

Изучаемая коммуникативно-речевая категория актуализируется в сверхтексте, представляющем собой единство поста и ряда комментариев [Купина, Битенская, 1994]. Эта комплексная жанровая форма (гипержанр) включает в свой состав такие первичные жанры, как инвектива, угроза, злопожелание и др. [Седов, 2007].

Диалогичность как типологический признак текста непосредственно и наиболее явно отражает взаимодействие собеседников. Как свидетельствуют наши данные, выражая в речи враждебность по отношению к «другому», автор противопоставляет себя ему, причём «другой» приравнивается к «чужому», к врагу, которому необходимо причинить вред. Этим определяется специфика актуализации форм диалогичности в интернет-комментариях политической направленности.

Формы диалогичности характеризуются нами в соответствии с моделью М.Н. Кожинной, где рассматриваются три базовых формы: 1) Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ), 2) Я (МЫ) – ОН (ОНИ), 3) Я1 – Я2. Каждый из компонентов указанных диалогических форм имеет особые средства выражения на разных уровнях системы языка. Так, форму Я (МЫ) – ТЫ (ВЫ) в первую очередь воплощают личные и притяжательные местоимения, личные формы глагола, определенные лексические единицы в составе обращения – при выражении компонента ТЫ (ВЫ). Используются простые в структурном отношении синтаксические конструкции, такие речемы, как повторы, цитаты и риторические вопросы. Некоторые примеры: «Александра Корженкова, Ваш ответ не корректен»; «Ах ты клоняра!»; «Я то как раз вылезился, а вы похоже все болеете».

Что касается типологического признака информативности, то вслед за И.Р. Гальпериным мы различаем содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию [Гальперин, 1981, с. 27–28]. В протестном политическом секторе Рунета сообщения носят ярко выраженный идеологический характер и регулярно объективируют стереотипы группового сознания. В рассматриваемом материале наиболее часто транслируются стереотипы «нечестные выборы», «нелегитимность власти», «фальсификация выборов», «результаты выборов predetermined», «необходимость смены власти», «власть коррумпирована и продажна», «власть расходует народные деньги», «власть бесполезна» и др. Например: «Новый закон: "чем больше мошенников, проходимцев и самозванцев, тем лучше."»; «Дума, что нижняя, что верхняя, не нужны абсолютно. Это тупые туняццы, прожирающие бюджет»; «...ясно одно или раковая опухоль коррупции с метастазами уничтожит нас или мы её».

Семантика враждебности проявляется в тональности текста. При установлении ядра этой категории мы учитываем прежде всего выраженность враждебного отношения к «другому» в содержании языковых и речевых единиц. Принимается во внимание также их частотность.

К ядру поля мы относим единицы, которые обнаруживают признаки унижения чести и достоинства человека, оскорбления, угрозы, экстремизма. Это слова семантических групп «воровство-коррупция», «обман», слова, характеризующие оппонента как преступника (банда, бандит, бандитский и др.), экспрессивные обозначения внешности человека (рожа, рыло, ряха,

харя и др.), номинации лиц или социальных групп с уничижительной, пренебрежительной, неодобрительной, презрительной, бранной стилистической окраской. Сюда же относятся такие единицы, как сарказм, ряды однородных членов, представляющих собой перечисление негативных характеристик «другого», призывы с глагольной семой «насилие», прием трансформации звуковой формы слова.

К периферии относятся языковые и речевые единицы, выражающие враждебность без явного нарушения этических норм. Это прежде всего ирония, риторические вопросы и восклицания, приемы фамильярного обращения с адресатом. Ср.: «На фото харя отпетого бандита. Тут и к гадалке не ходи, на роже всё написано..»; «Заложник своей жадности и вороватости»; «...станет президентом, захочет стать владычицей морской... и далее по тексту».

Заключение

В языкознании второй половины XX в. изучение лингвистических категорий претерпело изменения, отражавшие общую тенденцию переориентации исследований с системно-структурного плана языка на функциональный и собственно коммуникативный планы. Так, традиционное понимание морфологических категорий послужило отправной точкой для развития концепции функционально-семантических категорий (А.В. Бондарко). Несколько позднее обращение к широкому контексту потребовало экспликации понятия о категориях речи, а именно о категориях функциональных семантико-стилистических (М.Н. Кожина). В то же время получило развитие представление о текстовой категории как о существенном признаке речевого произведения (W.U. Dressler, S.J. Schmidt, И.Р. Гальперин, и др.) или типа речевых произведений (Т.В. Матвеева). Возросший в последние годы интерес к тексту как единице общения проявился в экспликации понятия коммуникативных категорий, в разных аспектах отражающих закономерности социального речевого взаимодействия (И.А. Стернин).

В предлагаемой нами трактовке коммуникативно-речевая категория предстает как целостный комплекс разнохарактерных средств речевого воплощения социально значимой интеракции. Этими средствами являются собственно языковые, речевые и текстовые средства. Тем самым бахтинская идея о методологически обоснованном порядке изучения языка – переходе от типа речевого взаимодействия к текстотипам (жанрам) и далее к языковым единицам – получает развитие и конкретизацию в современном теоретическом контексте проблематики лингвистических категорий.

Литература

1. Бахтин М.М. 1993. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М., 188.
2. Бахтин М.М. 1979. Проблема речевых жанров. В кн.: Эстетика словесного творчества. М., Искусство: 237–280.
3. Бондарко А.В. 1971. Грамматическая категория и контекст. Л., Наука, 116.
4. Гальперин К.Р. 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М., Наука, 139.
5. Дементьев В.В. 2010. Теория речевых жанров. М., Знак, 600.
6. Дементьев В.В., Седов К.Ф. 1998. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 107.
7. Карзенкова Е.П. 2011. Коммуникативно-речевая категория «дружба». Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология, 2(14): 89–94.
8. Карзенкова Е.П., Салимовский В.А. 2005. К экспликации понятия коммуникативной категории. Стереотипность и творчество в тексте, 9: 99–104.
9. Кожина М.Н. 1968. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 251.
10. Кожина М.Н. 1983. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями. В кн.: Структура лингвистической стилистики и ее основные категории. Пермь: 15–23.
11. Кожина М.Н. 1998. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте. В кн.: Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры), ч. 2 (Категории научного текста: функционально-стилистический аспект). Пермь, Изд-во Перм. ун-та: 3 – 15.
12. Купина Н.А., Битенская Г.В. 1994. Сверхтекст и его разновидности. В кн.: Человек. Текст. Культура. Екатеринбург: 214–233.
13. Купина Н.А., Матвеева Т.В. 2013. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. Углубленный курс. М., Изд-во Юрайт, 415.
14. Матвеева Т.В. 2010. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, Феникс, 562.
15. Матвеева Т.В. 1990. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 172.

16. Михайлова О.А. 2004. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания. В кн.: Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: 15–26.
17. Общение и оптимизация совместной деятельности. 1987. М., МГУ, 300.
18. Седов К.Ф. 2007. Сора. В кн.: Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., Лабиринт: 259–268.
19. Седов К.Ф. 2009. Языкознание. Речеведение. Генристика. Жанры речи, 6: 23–40.
20. Стернин И.А. 2004. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании. В кн.: Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: 130–150.
21. Стернин И.А., Шилихина К.М. 2001. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 135.
22. Теория функциональной грамматики. 1987. Л., Наука, 348.